

даем себе вопрос об особенном характере его деятельности. В чем заключалась тайна его влияния и славы? В великих ли дарованиях? Нет. Многие из современников не только не уступали, но превосходили его дарованиями. В великих ли успехах и счастье? Нет. Дважды, при Мансуре и под Тунисом, похоронил французский король цвет своего рыцарства. В новых ли идеях, которых он был представителем? Но он не внес никаких новых идей в государственную жизнь Франции, а напротив, употребил все свои силы на поддержание и укрепление существовавших до него учреждений. Значение его было другого рода. Позвольте мне рассказать вам одно, исполненное дивной красоты, средневековое сказание. Это сказание о святой чаше (Gaal). У Иосифа Аримафейского была драгоценная, выдолбленная им из цельного камня чаша: из нее, говорит сказание, вкушал Спаситель последнюю земную пищу свою за тайной вечерей; в нее же пролилась божественная кровь с креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человек, смотрящий на нее, не стареет, не знает земных немощей и не умирает, хотя бы сладостное созерцание продолжалось двести лет, говорит легенда. Но доступ к чаше труден: он возможен только высочайшему целомудрию, благочестию, смиреннию и мужеству, одним словом, высшим доблестям, из которых сложился нравственный идеал Средних веков. Таковы должны быть блюстители Грааля. Молитва и война составляют их призвание и подвиг в жизни, но война священная, за веру, а не из суетных житейских целей. В стремлении приблизиться к такому идеалу западная церковь облагородила феодализм, до рыцарства и соединила последнее с монашеством в известных орденах тамплиеров, странноприимцев¹ и других, возникших в эпоху Крестовых походов. Но всякий орден есть общество, следовательно, нечто безличное,

отвлеченное, и потому нравственная мысль Средних веков не могла быть вполне удовлетворена военно-духовными братствами, в которых отдельная личность постоянно стояла ниже возлагаемых на нее требований и как бы оправдывала собственную немощь заслугами целого ордена. С другой стороны, нам известно, как рано изменили эти ордена своему первоначальному назначению и поддались искушениям политического могущества и светских наслаждений. Примером могут служить тамплиеры. Идеалу средневековой доблести суждено было воплотиться в лице Людовика IX.

Сочинения Т. Н. Грановского. М., 1857,
т. I, с. 437–445.

КОММЕНТАРИЙ. О Т. П. Грановском и его сочинениях см. во 2-м томе. Приведенный текст составляет вступление одной из четырех публичных лекций, читанных московским профессором в 1851 г.: о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX и Бэконе. В своем сжатом очерке характера тех двух столетий, которые составляют zenith развития средневекового общества, профессор Грановский выказал весь свой талант мыслителя и живописателя, так что и теперь мы должны повторить сказанное нами еще в 1852 г., по поводу критики этих его лекций, а именно, что в них Т. П. Грановский обнаружил те же достоинства, которые мы привыкли встречать во всем, что выходило из-под его пера; а сделанные нами замечания относительно частностей несколько не препятствуют нам назвать словами нашего же профессора его чтения «достоинными вкладами русской мысли и русского слова». Мы затруднились бы и в западной исторической литературе приискать что-нибудь такое, что могло бы служить лучшей прелюдией к крестоносному времени и что в таких немногих словах могло бы так удобно ввести читателя в новый мир, который открывают собой XII и XIII столетия. Чтобы лучше понять взгляд Грановского именно на Крестовые походы, сравните статью Гегеля (ниже), где он говорит о том, как крестоносцы не достигли тех целей, к которым стремились, но как зато человечество достигло того, чего пилигримы XII и XIII столетий не имели и в виду.

¹ Госпитальеры, или иоанниты.